

Иван Александрович Гончаров

**Светский человек, или
Руководство к познанию
правил общежития**

**Гончаров Иван
Александрович
Светский человек, или
Руководство к познанию
правил общежития**

И. А. Гончаров
Светский человек, или
Руководство к познанию
правил общежития,
составленное Д. И.
Соколовым.
СПб., 1847.

На свете, кажется, всего мудренее — просто-та. Странно, а между тем справедливо. Человеку, видно, на роду написано — добираться до простоты, или истины, или естественности не иначе как путем заблуждений, неловкостей, ошибок, мудреных скачков и потом, по достижении простой, истинной стороны дела, только дивиться, что яйцо так легко ставилось на гладком месте. Иногда дело так ясно, что простота его кидается в глаза, а мы, как будто нарочно, заходим с трудной или фальшивой стороны, чтоб задать себе мудреную задачу, и потом ломаем голову над ее решением. Что, например, кажется, проще, как быть между порядочными, образованными,

вежливыми и умными людьми? Что легче, как прийти в общество этих людей, сесть свободно на удобной мебели, говорить, играть в карты или танцевать, пить, есть и уехать, оставя по себе приятное впечатление? Так просто, легко, а мы и тут из умения жить в людях, или так называемом свете, сделали мудреную науку, которая не всем дается, многим не дается всю жизнь и дается вполне очень немногим.

Нет ничего смешнее вступления в свет новичка, являющегося туда прямо со школьной скамьи или, еще хуже, из деревенской глуши. Его ослепляет и яркий свет комнаты, и нога его зацепляет за ковры или скользит по паркету. Углы у столов мешают ему — они так и тянутся к нему, — один угол точно нарочно вытянулся вдвое длиннее других и просит задеть. И он заденет. А в лесу, где ни следа, ни тропинки, он пройдет ловко, искусно уклоняясь от каждого сучка. Поднос с чашками как будто сам носится у него под локтем, и нет средства не опрокинуть его — и он опрокинет. Он двумя пальцами поднимает пудовую гирию над головой, а тут иногда не сдержит

чайной чашки в руках. Его обдаёт ужас: там вон на него устремила пристальный взгляд элегантная дама, и у него мурашки побежали по телу... пусть бы уж лучше в него прицелились из ружья; тут подходит к нему изящно одетый лев, а ему лучше — если б настоящий медведь подошел к нему в лесу. Он смотрит на эту даму и на этого льва не как на равных себе людей, а как на существа если не высшего, то особого разряда. Его губит или излишнее самолюбие, или излишняя скромность. Ему хочется показать, что он не уступит никому в светскости, ловкости и любезности: одушевленный этим желанием, он начинает творить бог знает что. Или, напротив, ему покажется, что всё, что он делал до сих пор, его приемы, голос, походка — никуда не годятся, — и нос, и губы — всё не на своем месте. Он вдруг приходит в ужас от собственной своей особы и начинает ее переиначивать, то вдруг состроит такое лицо, что, как городничий в "Ревизоре" говорит, хоть святых вон понеси, то с испугу положит руки туда, где им вовсе лежать не следует; а когда заговорит, то так несвободно ворочает языком, что как буд-

то над головой его висит дамоклов меч: он теряется, не знает, что делать. За столом, при первом случайном на него взгляде его визави, он вдруг начинает жевать иначе, нежели как жевал 30 или 40 лет до этой минуты; проглотив сразу тоненький ломоть хлеба, он не знает, спросить ли еще или продолжать есть без хлеба, следует ли брать все блюда, или приличие требует отказаться от некоторых; ему нальют чай без сахару он готов на самопожертвование: лучше выпьет так, чем спросит сахару. У новичка чешется язык сказать что-нибудь, да впопад ли это будет: не назовут ли нескромным? А будешь молчать, назовут, пожалуй, дураком. Для неловкого, как на смех, и обстоятельства расположатся так, что он расскажет вдруг анекдот про косоногого или хромого, когда тут есть косоногий или хромоногий, или при рогоносце заговорит о неверности жен. Сколько мук, сколько чудовищ на каждом шагу! Вырвавшись из этого ада, новичок бежит домой и долго еще с ужасом вспоминает о каждой своей неловкости. Самолюбие его растерзано, он дает себе слово никогда не заглядывать в свет, — он говорит, что там чело-

век женирован, что он сам не свой... Какая неправда! А свет только и требует, чтоб человек был сам свой, чтоб он походил на себя и был прост и верен своей натуре, — требует, чтоб он понимал и уважал чужое и свое личное достоинство, чтобы имел свою физиономию, свой взгляд и образ мыслей, не обнаруживая, что он хуже, глупее или умнее, даровитее, чиновнее того или другого. Вот в чем задача.

Эту задачу взялся решить г-н Соколов в своей книжечке, заглавие которой выписано в начале этой статьи. Теперь кончено дело: неловкости нет и быть не может. Если вы, читатель, никогда не были в свете и затрудняетесь вступлением в него — успокойтесь: вас введет г-н Соколов. Устав о десяти тысячах церемоний написан. Имея при себе книжечку г-на Соколова, даже выучив ее наизусть, вы смело можете явиться в людское общество, не опасаясь сделать какой-нибудь промах. Воздержитесь там и от любопытных взглядов на женщин: любопытство противно приличиям. Принимая в своем доме приятеля и представляя его в кратких, но выразительных словах

вашей жене, вы должны пройти потом некоторое время молчанием, а чуть сказали что-нибудь еще — и беда, и нехорошо. Сидя в обществе, вы не станете вытягивать вперед ног; поджимать их под себя — некоторые находят тоже неприличным; да притом бывают ноги, которых, при всех стараниях, не подожмешь ни под какой стул: теперь спрашивается, куда же их девать? или сидеть, держа ноги прямо, под прямым углом, наподобие египетских статуй, или раскинуть врозь, направо и налево, или, наконец, сесть верхом на стул? — как хотите, деньте их куда угодно, только не вытягивайте, не поджимайте под себя и не кладите ногу на ногу. Житье, подумаешь, безногим на свете! Далее: не должно, сидя подле дамы, трогать ее колен своими, — это очень неучтиво, так же как и з(с)жимать губы. Словом, г-н Соколов собрал и изложил в своей книжке все условия, которые делают человека ловким, светским и благовоспитанным. Чем же, в случае несоблюдения этих условий, стращает автор? Насмешкой общества, собственною мучительной неловкостью вашего положения, общим мнением или чем-нибудь

подобным? Нет, это что! У него есть какое-то таинственное лицо, страшнее насмешливых взглядов и шепота целого общества. Оно стоит за вашей спиной в гостиной, идет за вами в театр, — всюду. Это какой-то инспектор приличий и нравственности. Он-то должен карать за нарушение правил общежития. Это лицо — благомыслящий человек. Если вы постучите по плечу соседа в тесноте, тронете колени дамы своими или сядете на край стула, если вы, читательница, для сбережения платья своего (стр. 122), пойдете, подняв его выше того, сколько требует опрятность, или вы, молодой человек, будете приставать (стр. 123) к женщинам и преследовать их, то трепещите только суда благомыслящего человека: вы рискуете потерять его приязнь и уважение. Но что это за благомыслящие люди? видали ли вы их, читатель? Вероятно, нет, и мы — нет и не слышали, чтоб кого-нибудь в обществе называли: это-де вот идет или сидит благомыслящий человек. Это что-то вроде старинного венецианского совета десяти, никем не видимых и не знаемых. Не миф ли это, созданный автором для нашего страху?.. Поз-

вольте... темное предание что-то говорит о благомыслящем человеке... Но то, что оно говорит о нем, вовсе не согласуется с правилами общежития. Например, автор на 157 стр. говорит, что во время визита было бы очень смешно делать длинное поздравление с разными желаниями, напр<имер> на Новый год, и тем более христосоваться с дамами или девицами. Благомыслящий человек, по преданию, думал совсем не так. Он, царство ему небесное, долгом считал пожелать на Новый год нового счастья или, по крайней мере, того, чего вы сами себе желаете. Он всегда христосовался с дамами и девицами. Мы сами видели, как один кучер приходил к своей барыне, молодой, элегантной женщине, христосоваться, и приходит каждый год, побывав, вероятно, прежде там, где русский народ любит встретить праздник. Это, должно быть, благомыслящий человек.

На стр. 45 автор учит: Если же рассказчик просто лжет про себя или про других и если ложь его безвредна, то не пытайтесь обличить его и т. д. А благомыслящий человек совсем иначе поступал: он Катон, друг правды,

и его правило — обличать всякую ложь. Есть люди, говорит автор на стр. 101, которые не умеют скрыть своего неудовольствия и даже иногда делают выговор своему гостю, если он сломает ножку стула, разобьет стакан и т. п. Точно, есть такие люди, но это благомыслящие люди: автор, не метя, попал в них.

Напрасно он, желая научить нас приличиям, и упоминал о благомыслящем человеке: во-первых, благомыслящий человек теперь анахронизм, — место его заступило общее мнение, общее одобрение или общее порицание, а во-вторых, покойник был — *mauvaise genre*. Он, говорит предание, восставал первый против всякого нововведения, открытия, изменения старого обычая на новый и лучший, — он преследовал всякую новую и благотворную мысль, потому что она была нова и мешала его привычкам, — смеялся над новой модой. Слова "разбой! пожар!" Грибоедов подслушал у благомыслящих людей. Когда-нибудь, на страницах нашего журнала, мы подробнее поговорим о пропавшем без вести из нашего общества благомыслящем человеке, а теперь упрекнем только автора за

то, что он силится навязать нам несколько правил, оставшихся от благомыслящего человека вместе с сердоликовыми печатками, гороховыми шинелями со множеством воротничков и т. п., например: гуляя вдвоем (стр. 126), младший идет с левой стороны и на полшага сзади старшего. Это способ благомыслящих людей выражать свое уважение к достоинству, заслуге или старшинству. Равно как и следующее правило тоже взято из кодекса приличий благомыслящих людей (стр. 100): Никакой образованный человек (автор верно хотел сказать: благомыслящий человек) не сядет на диване перед дамой или, если она сидит на нем, подле нее: это невежливо. Вот и понимайте после этого, что такое вежливость! Не знаем, зачем в руководство о правилах общежития попало следующее правило (стр. 93): Пожилым и уважаемым людям пишут слогом, исполненным почтения, дамам слог должен быть вежлив и любезен, друзьям весел и непринужден. Это выдержка из ретирики благомыслящих людей. Это они выдумали вежливый, любезный, веселый, также как высокий и низкий слог. Мы, люди неблаго-

мыслящие, в реторику не верим, думаем, что слогу научить нельзя, и совершенно убеждены в истине слов: *le style c'est l'homme*. Мы осмеливаемся вольнодумствовать, утверждая, что если пишущий уважает того, к кому пишет, то и слог его (если у него есть слог: ведь это не всякому дается) отразит в себе это уважение, — если он любезен и весел по своей природе, то же выскажется и в его слог.

Теперь спрашивается: может ли быть нужна или полезна кому-нибудь эта книжечка? С одной стороны, чистый, правильный язык (но не слог) и несколько дельных страниц не позволяют отнести ее к числу вздорных и нелепых книжонок, отягощающих литературу; с другой стороны, нельзя сказать, чтобы похвальное намерение автора собрать в этой книжке все правила, необходимые в общезжитии, и все промахи, нарушающие гармонию общественных приличий, для научения одним и для предостережения от других, совершенно удалось ему. Мы согласны с автором, что трудно и неудобно вступающему в свет уловить без наставника все тонкости светской жизни, весь тот разнообразный этикет,

который составляет необходимую принадлежность людей хорошего тона, но никак не думаем, чтобы его книга могла заменить собою наставника и служить руководством для молодых людей, вступающих в общество, во-первых, потому, что для приобретения такта быть в людях возможен только один наставник опытность, с чем автор и сам согласен, говоря (стр. 36), что для этого надобно много прожить в кругу образованных людей; во-вторых, разве только доброму китайцу впору проделать всё, чему так важно, не смеясь, учит автор. Не протягивай ног, не садись на край стула, не сжимай губ, сморкайся реже и т. п.

Нет спора, что некоторые из этих привычек не приняты в порядочном обществе, но всё это при разных условиях, ограничениях и облегчениях, о которых автору, по-видимому, и в голову не пришло. Общество, как сказано выше, требует, чтоб каждый был сколько можно естествен в своих манерах, походке, голосе и прочем, то есть верен самому себе, а отнюдь не переделывал ни походки, ни голоса на чужой лад. И сам автор на той же 36-й

стр. говорит, что дух нашего времени требует свободы и непринужденности. Почему же человеку не сидеть на краю стула, если ему ловко, свободно, лучше сидеть так, нежели на всем стуле? Гораздо хуже, если он, весь век привыкши сидеть на краю стула, вдруг перестанет сидеть так потому только, что тот или другой сидят иначе. Вот худо, когда он, сидя удобно и покойно, не на краю стула, вдруг, при входе какого-нибудь благомыслящего человека, начнет корчиться и ёжиться на край: этого не терпит порядочное общество, это покажется противно и от таких привычек следует отучать. Не объяснив условности некоторых привычек, автор не раз введет какого-нибудь доброго человека в заблуждение. Иной весь век сжимал губы, и это, может быть, шло к его физиономии, выражало игру его мыслей, придавало даже особенную выразительность его лицу, а тут вдруг, прочтя у г-на Соколова, что губ сжимать не следует, он, пожалуй, станет ходить разиня рот. Не лучше ли было просто посоветовать не делать умышленно гримас с целью казаться лучше или приличнее.

Книжка г-на Соколова, несмотря на то что он написал ее вовсе не в шутливом тоне, носит на себе какой-то юмористический характер. Это, может быть, оттого, что автор пресе-рьезно говорит о разных неловкостях и дурных привычках, которые смешны и поодиночке, а созванные на этот инспекторский смотр, они местами приводят читателя в превеселое расположение духа. Гораздо больше принесет пользы новичку в обществе — не исчисление этих мелочных внешних дурных привычек, от которых скоро и легко можно отстать, а, например, правило, помещенное на 38 стр., что для побеждения робости и нерешительности новичков, вступающих в свет, надо без увлечения убедиться в своих достоинствах, почаще обращаясь к своему самолюбию; не следует быть чересчур самонадеянным и отъявленным эгоистом; но сознавать свои достоинства и не допускать в себе мысли унижения — непременно должно.

Этим бы правилом и следовало начать книжку, а потом вспомнить и поставить на вид побольше, например, таких (стр. 45): Должно избегать разговора про себя и свои

заслуги. Или (там же): Не начинайте разговора о предмете специальном или мало знакомом слушающим вас. А и того более не должно вставлять в речь свою терминов и слов, понятных только немногим. Хорошо правило (стр. 42): не рассказывать о своей болезни и т. п. Против этих правил грешат часто, сами того не замечая, люди, которых никак нельзя упрекнуть в наружных дурных привычках. Они не облизывают губ, не нюхают табак из чужой табакерки, не качают ногой и не постукивают в церкви свечой по плечу соседа, но тем не менее они скучные и даже нестерпимые люди в обществе, именно потому, что заводят длинные разговоры о своей болезни, или о себе самих, или десять раз повторяют виденное и слышанное и т. п.

Нельзя не поблагодарить автора, что он привел и следующие правила, хотя они собственно в кодексе приличий и не на своем месте. Например, стр. 19: Если судьба, наделив вас богатством, доведет жениться на девушке бедной, то противно будет и чести и благородству дать в сердце вашем место тщеславию, этой м(е)лочной и низкой страстиш-

ке, и обнаруживать пред женой своей, а и того более при посторонних, свой благодетельный поступок и т. д. Напрасно только автор приделал следующий затем мочальный хвост из морали: Лучше не делать добра, чем, сделав его, попрекать или хвастаться им... (кто не знает этого?); всякое личное достоинство и добродетельный поступок тогда только имеет цену в глазах людей благомыслящих, когда и проч. Видите ли: для оценки достоинства или добродетельного поступка автор не находит достаточным суда окружающих, всех, целого общества: чуть кто сделал добродетельный поступок, сейчас нужно посылать за какими-то благомыслящими людьми. Хорошо также и последующее правило (там же): В секретах, тайнах семейных, в ошибках и недоразумениях супружеских никогда не должно избирать посредников, а тем более и делать свои домашние неудовольствия, беспорядки и расстройтва гласными. Вот еще прекрасная страница 27: Как бы ни были хороши слуги, ни в каком случае нельзя допускать их до фамильярности с собою — это их испортит. Равным образом те, которые имеют

привычку грубо обращаться с людьми своими, могут только вооружить их против себя. Ничто столько не уменьшает в людях доверия, преданности и верности, как обращение постоянно грубое, дерзкое, насмешливое: надобно помнить, что у каждого есть свое самолюбие.

Почем знать? Может быть, какой-нибудь благомыслящий супруг, женившийся на бедной девушке и находивший, в простоте души своей, весьма естественным время от времени напоминать ей об этом, прочтя в этих строках о себе, призадумается, а может быть, благодаря просвещению, и поверит печатной книге. То же может случиться и с барином, позволяющим себе дерзкое и грубое обхождение со слугами. Итак, от книжки г-на Соколова вреда нет, а польза может быть.

Взыскательный читатель скажет, пожалуй, что он желал бы от автора взгляда более верного или... как бы это сказать?.. ну хоть более умного на науку общежития, системы более общежительной, нежели это разделение, по примеру поваренных книг, на главы о горячих, о жарких, о соусах, обхождении со слу-

гами и т. п. Справедливо ли такое требование? Требуйте от автора исполнения того, что он предлагает, в возможном для него, а не для другого, масштабе. Вам дают смешной и грубый водевиль, а вы требуете умной и тонкой комедии: довольствуйтесь тем, что могут дать. В заключение скажем, что мы распространились так по поводу "Светского человека" не потому, чтоб книга г-на Соколова стояла длинного трактата, но потому, что так называемая светскость — предмет слишком живой и щекотливый: ведь все мы помешаны на светскости!